

на притоках Зеи. В 1947 г. я наблюдал, как бригада плотников местного продснаба соорудила заездок на реке Эльдиканке, впадающей в Алдан. Браконьерствовала государственная организация» (С. 504).

Как это похоже на нынешнее время!

«Теперь русло Лены углубили землеройные машины, леса по берегам повырубали, заторы льда бомбят с самолетов, случаи затопления низин русла Лены прекратились» (С. 242). В результате этих действий человека горестно утверждает П.И. Лыхин «в озерах не стало не только рыбы, не услышишь и кваканья лягушек, безмерное высеивание химических удобрений убило все живое в них. Речная вода не стала выходить из берегов и тем самым перестала обновлять жизнь в озерах» (С. 243).

Подвести итог деятельности человека на берегах Лены за описываемый период можно словами В.В. Лыхина: «Прошли годы. В 1972 г., уже в звании инженера-полковника, я побывал на берегах моей родной и любимой реки Лены. Я ее не узнал. Леса вдоль ее берегов были вырублены и горели, застилая дымкой все в округе, чувствовался запах гари, горевшей тайги. На воде реки плыли жирные, сине-радужные большие пятна нефтепродуктов. Красивейшая река была изуродована цивилизацией плановой экономики в результате социалистического хозяйствования, когда провозглашался лозунг «все взять от природы» (С. 478).

Внимательно анализируя повествования публикуемых очевидцев, невольно приходишь к выводу: отношение к природе Сибири, как неисчерпаемой кладовой, утвердилось гораздо раньше так называемого периода социализма и только ширилось и утверждалось на всем его протяжении.

Таким образом, вышедшая в свет новая книга о наших земляках, не только повествует о днях прошедших, но и зовет нас не повторять ошибок по отношению к окружающей среде в будущем.

А.В. ШАЛАК

ОТ НАКОПЛЕНИЯ ФАКТОВ — К ИХ ОСМЫСЛЕНИЮ

Работы историков по теме политических репрессий по-прежнему привлекают внимание общественности. Дело здесь не только в информационном фоне, в раскрытке темы по определенным политическим причинам, но и в том, что проблема действительно актуальна для исторической науки. Политические репрессии долгие годы являлись закрытой темой, и по этой причине в настоящее время мало глубоко научных исторических работ, исследующих процессы в конце 1930-х гг. Однако на сегодня, с нашей точки зрения, проблема заключается не столько в дефиците фактов, сколько в осмыслении феномена репрессий: почему это стало возможным, какие цели преследовало, оценка последствий и т.д. В рамках информационной войны здесь все просто и понятно. «Тирания Сталина...», «результат коммунистической диктатуры...», «кровавые

репрессии...» — это то, что практически каждый день можно услышать с экрана телевидения, да и публицистической литературы на эту тему хватает, не говоря уже об откровенно провокационных материалах.

Тема репрессий в Красной Армии, несмотря на обилие представленного материала, также является отнюдь не исчерпанной. Главным препятствием на пути достижения научных результатов в этой области остаются отсутствие объективных научных критериев для оценки влияния репрессий на боеспособность Красной Армии, а также ограничение доступа к необходимому документальному материалу. Однако прочтение отдельных работ историков, где представлен относительно обобщенный материал по данной теме, навеивает определенные мысли и предположения.

В 2007 г. в издательстве Санкт-Петербургского университета издана книга В.С. Мильбаха, объектом исследования в которой являются политические репрессии командно-начальствующего состава в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (1937–1938 гг.)*. Исследование политических репрессий в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии (фронта) представляет исключительный интерес, поскольку войскам именно этого общевойскового объединения пришлось в боевой обстановке у озера Хасан ощутить последствия осуществляемой в тот период политики. Автором приводятся сведения из ранее не опубликованных источников, которые помогают понять, что скрывается за статистикой репрессий, оценить влияние внутривойсковых событий на состояние обороноспособности восточных рубежей страны накануне Второй мировой войны.

Историческая панорама в монографии представлена действительно широко. Работа состоит из восьми глав, в которых исследуется роль органов военной юстиции, политических органов, органов НКВД, роль командующего Дальневосточной Армией Маршала Советского Союза В.К. Блюхера в политических репрессиях. Особый интерес вызывают седьмая и восьмая главы монографии, где приводится статистика политических репрессий в отношении командно-начальствующего состава в Особой Краснознаменной Дальневосточной армии и Дальневосточного флота, а также оценивается влияние репрессий на боеспособность вышеупомянутых войсковых объединений.

Документальная основа в монографии В.С. Мильбаха представлена весьма полно. Изучены штатно-должностные списки, директивы, приказы, распоряжения, докладные записки, протоколы партийных собраний и заседаний военных советов округов, политдонесения комиссаров соединений и частей и другие материалы, имеющие отношения к предмету репрессий. В совокупности они позволяют воссоздать достаточно полную картину происходившего в воинских частях на Востоке страны в

* Особая Краснознаменная Дальневосточная армия (Краснознаменный Дальневосточный фронт). Политические репрессии командно-начальствующего состава, 1937–1938 гг. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007. 345 с.

предвоенный период. Делая вывод по данному разделу, автор заключает, что «...в ходе исследования реабилитационных дел удалось уяснить методы работы органов НКВД, установить причинно следственные связи в процессе политических репрессий и на этой основе выбрать новые направления поиска в процессе исследования» (С. 61). В монографии действительно много нового и интересного материала, но вот насколько выбранные «новые направления поиска» исследования отличаются от ныне доминирующих, прочтение этого материала ответа не дает.

Вторая — пятая главы монографии посвящены исследованию политических репрессий командно-начальствующего состава Особой Краснознаменной Дальневосточной армии, ТОФ, СибВО, ЗабВО. Выстраивается изложение материала в главах по однотипной схеме. Вначале дается характеристика военно-политической обстановке в регионе, а затем рассматриваются процессы протекания политических репрессий в отношении командно-начальствующего состава в округах и ТОФ, роли в них политических, надзорных органов, влиянии их на боевую готовность войск. В монографии приводятся многочисленные и во многом уникальные факты и примеры, позволяющие судить о самых разных сторонах армейской действительности в регионе. Документальная часть диссертации могла бы стать основой для исследования такой перспективной темы, как протестные настроения в армейской среде, морально-психологическое состояние военнослужащих. Однако, автор слишком увлекается детальным цитированием документов, имевшим отношение к конкретным лицам, случаям. Из-за воспроизведения однотипного исходного эмпирического материала монография местами напоминает хрестоматию по политическим репрессиям. Перечисление фамилий репрессированных, их должностей порой идет на протяжении нескольких страниц. Весь этот материал содержится в приложении и повторение его в тексте в таком виде выглядит порой неуместным. Сами по себе данные списки не говорят ни об увеличении масштабов репрессий, ни их сокращении. Кроме того, если бы автор обобщенными данными по политическим репрессиям подтверждал все выводы непосредственно по ходу изложения текста, а не только в конце глав, где статистика рассматривается отдельным параграфом, они (выводы) бы прозвучали, возможно, более убедительно.

Разделы с анализом военно-политической обстановке в регионе вполне логично вписываются в контекст монографии. Было бы также вполне логичным, если бы автор одновременно с этим заострил внимание на исследовании причин маховика репрессий в стране, в контекст которых вписывались и репрессии в отношении командного состава ОЖДВА в 1936–1938 гг. В монографии данная проблема не нашла отражения. С нашей точки зрения, прояснение этого вопроса, как и самого понятия «политические репрессии», имеет очень важное значение. В работе В. Мильбаха на основе архивных документов приводится множество фактов о различных авариях, пожарах, воровстве, проблемах работы «Военторга»,

политико-моральном состоянии войск, нерешенных социальных проблемах. Автор обращает внимание, что при вскрытии подобных фактов до 1936 г. не упоминалось о контрреволюционных организациях и заговорах (С. 103). Процессы начинаются в ОКДВА с ареста начальника штаба 66-ой стрелковой дивизии ОКДВА полковника И.Л. Карпеля в декабре 1936 г. С этого времени отдельные проступки военнослужащих начинают расцениваться как «политические преступления». Приводимые факты убедительно подтверждают, что увольнениям из армии, а также арестам подвергались лица командно-начальствующего состава не столько по социальным, этническим и другим признакам, которые можно классифицировать как политические, но и за вполне определенные и конкретные проступки и преступления (воровство, пьянство, служебное несоответствие и др.), а также просто по болезни. В частности, автор приводит статистику за 1936 г.: всего было осуждено лиц командно-начальствующего состава 55 чел., из них за контрреволюционную агитацию и шпионаж — 8 чел., остальные — за умышленные убийства, растраты, поджоги, злоупотребления властью. Фактов откровенной преступной халатности, приводится множество. Возникает вопрос: если определенных лиц в рамках политической конъюнктуры увольняли за подобные деяния из армии и флота по «политическим мотивам», насколько корректно по объективным основаниям относить их всех к «политически репрессированным»?

У этой проблемы есть еще один аспект. Отметим его на таком примере: автор приводит общую цифру потерь командно-начальствующего состава на Тихоокеанском флоте за 1936–1939 гг. — около 1 700 уволенных, в том числе 500 арестованных. И далее отмечает: «В настоящее время установлены 493 фамилии представителей командно-начальствующего состава ТОФ, которые были уволены по политическим мотивам в 1936–1939 гг.». Если установлены только 493 чел., уволенных по политическим мотивам, то насколько корректно относить к ним остальных 1 200 чел.? На С. 269 автор приводит сведения о количестве репрессированных в СибВО за 1937–1938 гг.: уволено от 682 до 1 050 чел., из них арестовано от 434 до 480. Конкретные же сведения о количестве репрессированных имеются только на 45 командиров. Почему именно последняя цифра не отражает на сегодня реальный факт? Приписки, как известно, были везде, почему нельзя исключить, что они применялись и при проведении политических кампаний? Что мешает установить фамилии репрессированных? С нашей точки зрения, проблема с определением конкретных лиц, отнесенных к числу репрессированных по политическим мотивам, имеется, и автору следовало бы более определенно обозначить свои подходы по ее решению.

С нашей точки зрения, автор несколько упрощено трактует вопрос вовлечения органов юстиции, военной прокуратуры, высшего начальствующего состава, политических органов, органов НКВД в процесс политических репрессий. Бесспорно, можно согласиться с тем, что на них

оказывалось давление с целью лишить объективности, независимости, способности осуществлять надзорные функции. Но в то же время автор почему-то абсолютно исключает возможные злоупотребления со стороны отдельных представителей этих структур, стремление выслужиться, угодить, сделать карьеру. Например, автор приводит данные (С. 191), что за 1937–1938 гг. из органов военной прокуратуры Дальневосточного края было уволено 35 представителей начсостава, в том числе арестовано 15 чел. Это же характерно для других надзорных структур, органов НКВД. Среди уволенных были прежде всего те, кто особенно отличался на ниве фабрикации подобных дел. Причем лица, арестованные, расстрелянные за нарушение социалистической законности, в последствии не были реабилитированы. Почему эти факты нельзя рассматривать, как стремление власти избавиться от тех представителей военной прокуратуры, которые осуществляли незаконные действия в войсках и на флоте? Такой подход позволил бы более взвешенно и объективно оценить как сами «политические репрессии», так и роль в них надзорных структур. Не случайно ведь, очень многие уволенные в ходе кампании командиры были затем восстановлены в должностях и званиях, более того, стали генералами и старшими офицерами.

Кроме этого отметим еще одно обстоятельство: когда следует подтвердить абсурдность обвинений, автор обращается к документам НКВД, других надзорных органов, когда же нужно подтвердить низкий уровень морально-боевой и прочей выучки, дисциплины, автор обращается к фактам, опять же представленных в этих документах, на основе которых отстранялись от должности представители командно-начальствующего состава. Только трактует теперь данные факты как следствие «политических репрессий». Если автор считает, что предъявляемые обвинения носили чисто политический, заказной характер, следовательно, и факты, имеющие отношения к дисциплине, выучке, пьянству, воровству, которые приводятся в данных документах, нужно признать фальсификацией. Если это не фальсификация, а мы признаем данные факты соответствующими действительности, тогда, подчеркнем еще раз, масштабное освобождение от должностей, увольнение из армии и флота командно-начальствующего состава имели под собой отнюдь не только политические мотивы, но и вполне объективные основания. Такое произвольное толкование одних и тех же фактов вызывает серьезные сомнения в объективности выводов автора монографии.

Автор совершенно правильно пытается оценить влияние политических репрессий командно-начальствующего состава на состояние боеспособности войск ОКДВА (КДФ). Состояние боеспособности можно считать одним из основных критериев для оценки последствий «политических репрессий». Однако из изложенного материала не совсем понятно, по каким показателям оценивается влияние репрессий на состояние боеспособности. Разве всегда больше командиров — это лучше? Но даже если

подойти к этой проблеме с чисто количественных позиций, то какого-то критического недостатка командно-начальствующего состава в ОКДВА мы не увидим, что подтверждает и сам автор приводимыми данными. Попытка автора подтвердить свои рассуждения ссылкой на Л.З. Мехлиса, который сообщал из района боев на о. Хасан Сталину об огромнейшем некомплекте в частях 32 стрелковой дивизии, не совсем корректна, поскольку речь в документе идет исключительно о недокомплекте рядового состава. Еще меньше оснований говорить о качественном влиянии «политических репрессий» на некомплект командно-начальствующего состава на ТОФ, исходя из сведений представленных в монографии.

С точки зрения автора монографии, репрессии негативным образом сказались на уровне управления войсками. Конечно, радикальная замена высшего командного состава не могла не сказаться на управлении, поскольку даже способным людям требовалось немало времени, чтобы освоиться в новой должности, ситуации. В то же время, если опираться на реальное положение дел в войсках и флоте (состояние материально-технической базы, уровень боевой подготовки, оснащение современными видами вооружений, состояние дисциплины), ставших причиной отстранения кадров командно-начальствующего состава, то никто не сможет доказать, что те, которых отстранили, лучше бы справились с поставленными задачами. Тем более автор сам отмечает, что командные кадры руководствовались устаревшей тактикой ведения боя, и в этом вопросе не произошло позитивных изменений вплоть до начала Великой Отечественной войны. Те же трудности, которые проявились во времена боевых действий в районе о. Хасан, во многом объясняются объективными причинами. О каком качественном управлении войсками на таких пространствах может идти речь, если в частях отсутствовали радиосредства только стали поступать, и пользоваться ими еще не научились. Форсированное развитие военной инфраструктуры в регионе сопровождалось сбоями в доставке материалов и оборудования, дефицитом квалифицированных кадров, отсутствием нормальных бытовых условий для личного состава, что влекло нарушение сроков сдачи строящихся объектов, планового пополнения войск и сил флота личным составом, вооружением, материальными средствами. Именно по этим причинам большую часть времени части занимались решением хозяйственных, строительных проблем в ущерб боевой подготовке. Все это происходило в условиях, когда большая часть личного состава была призвана из запаса и нуждалась в военно-техническом обучении. Особенно данное обстоятельство имело отношение к 57-м особому корпусу ЗабВО, развернутому в 1937 г. в МНР. Все эти аспекты автор в монографии отмечает, тем не менее, армейские проблемы односторонне трактуются как следствие «политических репрессий».

Это же замечание можно отнести и к влиянию политических репрессий на организованность и воинскую дисциплину войск. В соответс-

твующих разделах работы отмечается падение воинской дисциплины. Но можно ли рост таких проступков как пререкания, небрежный уход за оружием, пьянство, нарушение караульной службы (увеличение на 0,2–1,5%), рост количества самоубийств (с пяти случаев в мае 1937 г. до шести случаев в июле этого же года), 30–35 случаев симуляции болезни в год на дивизию считать «устойчивой тенденцией» нарастания дисциплинарных проступков? Напомним, что именно в это время происходило масштабное наращивание войск в регионе (например, в ЗаБВО в 1938 г. насчитывалось 4 дивизии, в 1939 г. — 7 дивизий, 1940 г. — 9, 1941 г. — 17), сопровождавшееся массой нерешенных социально-бытовых проблем. Именно поэтому большая часть времени уходила на хозяйственное строительство, мало времени уделялось боевой подготовке. В такой ситуации сохранение дисциплинарных проступков, по сути, на уровне предшествующих лет необходимо поставить в заслугу командованию, а объективно оценить эти процессы можно лишь, рассчитав удельный вес дисциплинарных проступков на количество военнослужащих. Если автор приводит сведения о снижении количества дисциплинарных взысканий, то объяснение дает следующее — «вероятно, дисциплинарные взыскания были квалифицированы как уголовные, а также вследствие снижения требовательности командного состава к подчиненным». Получается, что повышение требовательности командного состава будет сопровождаться ростом количества дисциплинарных проступков. Можно ли тогда их считать «последствиями политических репрессий»? Причиной же роста количества обморожений в 1936 г. в сравнении с 1935 г. могли быть и погодные условия. Так же прямолинейно автор относит нарушение сроков выполнения плановых ремонтных работ на флоте к последствиям «политических репрессий». Но когда они выполнялись? В начале 1930-х, в середине 50-х, в настоящее время? Это типичное явление и не совсем понятно, как оно связано с «политическими репрессиями». То же самое имеет отношение к катастрофам самолетов, к обеспечению флота боеприпасами, хранению документов в непригодном помещении. Думается, что если исследователь будет так односторонне объяснить и обосновывать выводы о прямом влиянии «политических репрессий» на рост правонарушений и снижение боевой выучки, то вряд ли тогда мы будем иметь выводы, объективно отражающие действительность.

Автору монографии следовало бы более осторожно подходить и к воспоминаниям «военных прокуроров», и другим мемуарным публикациям, на основе которых оценивается роль командующего ОКДВА Маршала Советского Союза В.К. Блюхера в процессе политических репрессий. С одной стороны, некритический повтор этих утверждений лишает работу новизны, с другой стороны, требуется более осторожное оперирование мемуарными данными. Эта группа источников требует предельно внимательного отношения. Люди обладают разным опытом, сталкиваются только с определенным срезом реальной жизни, субъективно усваивают

события окружающей действительности, отличаются индивидуальными способностями по ее усвоению и переработки. Нельзя игнорировать и идеологические пристрастия, как правило, тесно связанные с социальными интересами. В связи с этим, обращает на себя внимание множество ссылок на подбор документов, осуществленный под руководством А.Н. Яковлева. Идейное кредо этого, ныне покойного политика, хорошо известно, как и его патологическая ненависть к той системе, в которой он отработал всю свою жизнь и всем ей был обязан. Это не диссидент, открыто не принимающий советскую систему, это нечто более серьезное. Поэтому направленность и односторонность подобранных его командой документов — тема отдельного анализа.

В заключении еще раз хотелось бы подчеркнуть, что тему политических репрессий сегодня вряд ли можно так однобоко трактовать, как это повелось в рамках политической конъюнктуры с начала 1990-х гг. Внимательное чтение работ свидетельствует о совершенно иных масштабах, причинах и последствиях чистки в армии. Подводить все, что связано с заменой командных кадров, под понятие «политические репрессии» было бы слишком упрощенным подходом. Кроме того, исследование темы требует не только глубоких познаний в области статистики, но и привлечение методов исторической психологии, исторической социологии, без чего вряд ли можно сегодня всесторонне, а следовательно, и объективно, оценить те процессы, которые происходили в армии и флоте накануне войны.